И.С.Власов

ГЕРМАНИЯ

В Германии закон в принципе не предусматривает уголовной ответственности юридических лиц, хотя в доктрине этот вопрос поднимается по меньшей мере с середины XIX в.

Тем не менее уже в 1919 г. в Имперском положении о поставках (Reichsablieferungsordnung) в § 393 была предусмотрена возможность назначения уголовного наказания в отношении предприятия, причинившего крупный ущерб вследствие нарушения условий поставки. После Второй мировой воины действовавшее некоторое время оккупационное право, которое сформировалось под сильным влиянием англо-американской доктрины права, позволяло в ряде случаев расширить эти рамки и допустить – правда, только в области картельного и валютного законодательства – непосредственное применение уголовного наказания против промышленных объединений (трестов, картелей и пр.)[1]. Федеральный верховный суд подтвердил эту позицию, специально подчеркнув в 1953 г. в ряде своих принципиальных решений допустимость уголовной ответственности таких объединений (Verbände). Базируясь на §1 Германского гражданского уложения (ГК), суд пришел к выводу, что пред-

[1] **Закон Союзного контрольного совета для Германии № 43 в ст. 10 п. «а» гласил: «Лицо (в правовом регулировании валютного оборота) означает любое физическое лицо или юридическое лицо публичного или частного права». А закон Союзной верховной комиссии № 14 «Об уголовных действиях против оккупационных властей» от 25 ноября 1949 г. в п. 7 ст. 5 предусматривал: «Юридическое лицо подлежит осуждению за уголовное деяние и назначенным за это деяние штрафу и конфискации».**

См.: Eidam G. Straftäter Unternehmen. – München, l997. – S.28.

принятые физическим лицом в интересах того или иного производственного объединения действия следует рассматривать как действия самого этого объединения, а применение в отношении последнего уголовных наказаний – как средство изъятия неправомерной прибыли.

Проводя эту линию Федерального верховного суда на практике, германские суды обосновывали уголовное наказание юридических лиц (в рамках валютного и картельного законодательства) тем, что уголовные деяния членов производственного объединения, как правило, совершались в интересах такого объединения и ставить в этом случае юридическое лицо в более благоприятное положение по сравнению с лицом физическим – это все равно, что идти на прямое нарушение принципа равенства всех перед законом и судом[1].

Развитию этого направления в германском праве препятствовало (и препятствует до сих пор) господствующее в германской науке уголовного права мнение, отвергающее возможность непосредственного применения к предприятию или производственному объединению, как и к любому юридическому лицу вообще, уголовного наказания. Основной аргумент при этом – отсутствие у юридического лица «персонального качества», т.е. вины, элемента виновности как психического отношения к содеянному.

В литературе высказывался и другой аргумент против уголовной ответственности юридических лиц: при одновременном вынесении приговора в отношении различных органов производственного объединения и его руководителей может быть нарушен важнейший принцип уголовного права «non bis in idem» (запрет дважды наказывать за одно и то же)[2].

Однако показательно, что на юбилейном 40-м съезде германских юристов (1953) мнение о допустимости уголовной ответственности юридических лиц получило серьезную поддержку: там прозвучало предложение учитывать потребности уголовной политики и позволить применять хотя бы предусмотренные Уголовным кодексом меры безопасности (а не наказания) в отношении юридических лиц в случае совершения преступлений, связанных с их деятельностью.

В 1968 г. многочисленные нормы специальных законов о назначении штрафов юридическим лицам были заменены введением в Закон об административных правонарушениях (Gesetz über Ordnungswidrigkeiten –

---

[1] Neue juristische Wochenschrift. – Berlin, 1988. – S.1170 ff.

[2] Schmitt R. Strafrechtliche Massnahmen gegen Verbände. – Mainz, 1958. – S.18.

OwiG in Fassung vom 19.2.1987) § 26, который должен был привнести баланс в ситуацию, когда корпорации и иные юридические лица получали выгоду от действующих за них физических лиц, не рискуя быть подвергнутыми санкциям, которым подвергаются физические лица за правонарушения, совершенные ими в интересах корпорации.

С принятием 1 августа 1986 г. Второго закона о борьбе с экономической преступностью (2. Gesetz zur Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität – 2. WiKG) штраф юридическому лицу стали назначать не в ходе самостоятельного процесса, а в процессе рассмотрения вопроса о наказании лица физического. Параграф 30 Закона об административных правонарушениях с принятием Второго закона о борьбе с экономической преступностью уже напрямую был озаглавлен «Штраф, налагаемый на юридическое лицо и на объединения лиц». В силу части первой этой нормы, «если какое-либо лицо как орган, полномочный представлять лицо юридическое, или как член такого органа, или как один из членов правления юридического лица, или как полномочный представитель общества частной торговли совершило уголовное преступление или административное правонарушение, в результате которого:

1) не были выполнены обязательства юридического лица или объединения лиц, либо

2) юридическое лицо или объединение обогатилось либо могло обогатиться.

– то на юридическое лицо или объединение налагается денежный штраф». Размер этого штрафа в случае совершения умышленного преступления равен сумме до 1 млн. марок, а при совершении неумышленного преступления – до 500 марок (минимальный размер штрафа в законе не указан).

Причем согласно ч. 4 § 30 данного закона штраф в отношении предприятия или иного юридического лица назначается в качестве самостоятельной меры, даже если за совершенное преступление или административное правонарушение производство по назначению штрафа не проводилось либо если за такое деяние не назначено никакое иное уголовное или административное наказание.

Разумеется, речь здесь идет о применении к юридическому лицу мер административного наказания, но сама тенденция показательна. Хотя «стена» между уголовным производством против физического лица и назначением административного штрафа очевидна: по-прежнему сначала надо установить, что полномочный представитель предприятия, т.е.

физическое лицо, совершило правонарушение. Вместе с тем надо понимать, что речь в этом случае идет об одном и том же деянии, которое в зависимости от своей тяжести может по конкретному делу перерастать из преступления в административное правонарушение и наоборот. Приведенные нормы административного права в германской юридической литературе называют «взглядом через забор» на проблему уголовной ответственности юридических лиц[1].

В ч. 5 § 30 Закона об административных правонарушениях указано, что административный денежный штраф (Geldbüsse) не налагается на юридическое лицо, если ему за то же самое действие назначена конфискация имущества в соответствии с § 73 и 73-а Уголовного кодекса ФРГ. Тем самым косвенно признается принципиальная допустимость назначения уголовного наказания юридическому лицу.

Что касается имеющихся ныне в УК ФРГ возможностей привлечения юридического лица к уголовной ответственности, то этому специально посвящена норма § 75, которая по существу, пусть в узкой области (конфискация предметов преступления), приравнивает юридическое лицо по статусу к лицу физическому, если органы или руководство юридического лица действуют «за него».

Любопытен в рассматриваемом аспекте текст этой нормы: «Если кто-либо в качестве:

1) полномочного органа юридического лица или члена такого органа,

2) руководителя или члена руководства объединения (не обладающего правоспособностью),

3) полномочного представителя товарищества частной торговли, или

4) генерального уполномоченного, доверенного лица или управляющего делами юридического лица или объединения, указанного в п.п. 2 и 3, предпринимает деяние, за которое ему могла бы быть назначена конфискация предметов преступления или иного имущества, то его деяние... вменяется представляемому им юридическому лицу».

Из других норм УК заслуживает внимания ч. 3 § 73 («Предпосылки конфискации имущества»), где речь идет о том, что конфискация как мера наказания может быть назначена и в том случае, когда «исполнитель или соучастник действовали за кого-либо другого и получили таким

---

[1] **Eidam G. Op.cit. P. 29. Creifelds-Rechtswörterbuch. – München, 2000. – S.523.**

путем выгоду». Это позволяет суду, особенно в борьбе с экономическими преступлениями, прибегать под видом конфискации имущества к изъятию прибыли у этого «другого», в том числе – у юридического лица (Abfuerung des Mehrerloses).

Действие «за другого» имеет место тогда, когда совершаемое противоправное деяние объективно ведет к тому, что другое лицо (в том числе юридическое) обогащается, и когда тот, кто действует в интересах другого лица, хочет такого результата[1]. При этом неважно, в каком качестве выступает лицо, действующее «за другого», – в качестве явного или тайного представителя юридического лица, органа какого-либо товарищества, служащего какого-либо ведомства или предприятия.

Нельзя согласиться с российским исследователем А.Н.Никифоровым, который, рассматривая содержание § 14 УК Германии («Действие за другое лицо»), полагает, что «если преступление совершено юридическим лицом через представителя.., то уголовной ответственности за совершение преступления подлежат и юридическое лицо как таковое, и его представитель»[2]. Иными словами, в положениях этой нормы УК он видит доказательство возможности привлечения юридического лица к уголовной ответственности в Германии.

Думается, однако, что смысл данной нормы заключается не в том, чтобы уравнять физическое и юридическое лицо как субъектов преступления, а в более «приземленных» интересах – уравнять их в конкретном случае лишь для того, чтобы получить возможность конфисковать предмет преступления, если он принадлежит не лично представителю, а самому юридическому лицу.

Германские юристы отмечают, что в случае § 14 УК речь идет о том, что если на какоелибо юридическое лицо возложена особая обязанность, то она распространяется также на его представителей, которые фактически или юридически приняли на себя выполнение этой особой обязанности. Вместе с тем, отмечая, что вопросы, регулируемые § 14 УК Германии, не в последнюю очередь связаны с проблемой уголовной ответственности предприятий (концернов), эти авторы подчеркивают, что в любом случае субъектами и соучастниками преступления могут быть только физические лица: «Юридические лица и иные людские совокуп-

---

[1] **Lackner K., Kühl K. Strafgesetzbuch mit Erläuterungen. – München, 1999. – S.544.**

[2] **Никифоров Н.С. Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. – М., 2002. – С.87.**

ности как таковые не являются дееспособными в уголовно-правовом смысле»[1]. Эту позицию разделяет и судебная практика.

Таковы скромные на сегодня возможности привлечения к ответственности юридического лица по действующему уголовному законодательству Германии. Тем не менее в германской доктрине уголовного права очень мощно звучат голоса в пользу все более широкого внедрения таких норм в уголовный кодекс, прежде всего – в его Общую часть, т.е. стремятся решить вопрос принципиально. «История права и сравнительно-правовые исследования, – пишет видный германский юрист Рудольф Шмитт, – убедительно показывают, что уголовно-правовые меры против корпораций вопреки догматическим соображениям всегда проводятся в тех случаях, когда в них возникает настоятельная практическая потребность»[2]. И дело не только во внутренних потребностях, но и в том, что Германия как член Европейских сообществ должна реализовать их решения, в частности, о санкциях, на которых сильно сказалось влияние англосаксонской системы права. В странах англосаксонской системы права уголовные наказания в отношении юридических лиц стали традиционным путем борьбы с причиняемым ими обществу вредом. В континентальной Европе, напротив, такое возможно лишь в отдельных странах, да и то почти исключительно в рамках административного права. Как мы видели, по такому пути идет и Германия, хотя растущая день ото дня «картельная преступность» требует, соответственно, все более суровой реакции со стороны государства и права.

Как пишет известный германский криминалист проф. Бруно Аккерман, «догма об уголовной ненаказуемости юридических лиц вовсе не является нерушимой. Во всяком случае, законодатель может de lege ferenda предусмотреть наказуемость юридических лиц, не входя в противоречие с признанными принципами уголовного права»[3].

Он призывает преодолеть существующие по этому вопросу предубеждения и закостенелые догмы и выступить с новыми ценными альтернативами в его решении: «Перед лицом социальной опасности определенного образа действий со стороны конкретных юридических лиц существует уголовно-политическая потребность наказывать юридических лиц

---

[1] **Lackner K., Kühl K. – Op. cit. – P.104.**

[2] **Schmitt R. – Op. cit. – P.230.**

[3] **Ackermann B. Die Strafbarkeit juristischer Personen im deutschen Recht und in ausländischen Rechtsordnungen. – Frankfurt a/M., 1984. – S.243.**

как таковых. Рост числа юридических лиц подчас чудовищной мощи обусловил возникновение специфической разновидности преступности, требующей надлежащей реакции законодателя, который должен найти ответ на новые экономические, налогоплатежные, технические возможности и на злоупотребление ими»[1].

С точки зрения значительного числа германских ученых, включение уголовного права в сферу ответственности юридических лиц очень желательно, ибо связанные с нею проблемы надо позволить обсуждать перед независимым судом в условиях процессуальных гарантий – вместо того, чтобы оставлять преследование и наказание этих лиц на усмотрение связанных субординацией административных органов. Наказание юридических лиц не представляется ему несправедливым и в аспекте соблюдения принципа «non bis in idem», поскольку речь идет не о вторичном наказании члена фирмы, наряду с наказанием самой фирмы, а о наказании этого человека за его собственную вину в причинении фирмой вреда обществу, если он, содействуя фирме, преследовал и собственные имущественные интересы[2].

Юридическое лицо (корпорация) в полной мере обладает уголовно-правовой дееспособностью, ибо ему вменяются воля и действия по выполнению состава преступления со стороны физического лица, принадлежащего к числу руководителей данной корпорации и действующего в рамках возложенных на него полномочий с намерением обеспечить прибыль юридическому лицу. Такое вменение в уголовном праве допустимо. Оно оправдано тем, что эффективность указанных действий физического лица обусловлена мощью стоящего за его спиной лица юридического, а сами эти действия служат средством, приносящим прибыль юридическому лицу: «Вина юридического лица коренится в том, что оно отстает от той степени правосознания, осмотрительности и силы волеизъявления, которую правопорядок ожидает от среднего юридического лица. Поскольку оно этим требованиям удовлетворяет, ему может быть сделан упрек в виновности»[3].

Другой немецкий автор – Гюнтер Хайнэ – считает, что основанием (предпосылкой) уголовной ответственности юридического лица, в частности корпорации, является неправильное управление производст-

---

[1] **Ackermann B. – Op. cit. – P.244.**

[2] **Ackermann B. – Op. cit. – P.244–245.**

[3] **Ibid. – P.244.**

венным риском со стороны юридического лица[1]. Он подчеркивает, что от юридического лица как от «хозяина дела» следует требовать большей осмотрительности и более точного знания проблемы риска, чем от физического лица, руководящего каким-либо делом. В частности, это требует от юридического лица и его руководства учитывать актуальное состояние науки и техники, а также принимать необходимые организационные меры по регулированию угрозы производственного риска на длительную перспективу. Непринятие этих мер и означает неправильное управление риском. Что касается наказаний за преступления юридического лица, то Хайнэ выделяет, прежде всего, штраф и ликвидацию юридического лица. Причем, в отличие от аналогичной гражданско-правовой меры, ликвидация юридического лица как мера уголовного наказания должна была бы включать в себя и полную конфискацию имущества этого лица.

Несмотря на то что вопрос об уголовной ответственности юридических лиц обсуждался в германской правовой доктрине в течение всего XX столетия, надлежащего влияния на законодателя это пока не оказало. Тем не менее в Германии растет число голосов, призывающих к тому, чтобы «тема уголовной ответственности дискутировалась наконец широким фронтом»[2], в надежде добиться полновесного решения данного вопроса в германском уголовном законодательстве.

Без этого противостоять ущербу, который причиняется сегодня предприятиями, особенно в сфере окружающей среды и здоровья населения, очень нелегко. Как пишет проф. Г.Айдам, при отсутствии уголовной ответственности предприятий их ответственность в уголовном праве перекладывается зачастую на отдельных сотрудников этих предприятий[3]. Но исправить это положение на основе господствующей догматики уголовного права весьма трудно, хотя судебная практика видит в этом единственный выход из положения. Из-за нынешней ситуации в уголовном законодательстве лишь 4% дел, возбужденных за причинение ущерба в производственной деятельности юридических лиц, заканчиваются приговором суда. Из этого делается неутешительный вывод, что «уголовное

---

[1] **Heine G. Strafrechtliche Verantwortlichkeit von Unternehmen. – Baden-Baden, 1994. – S.253.**

[2] **Ackermann B. – Op. cit. – P.173.**

[3] **Eidam G. – Op. cit. – P.l.**

право по-прежнему является тупым мечом на пути борьбы с растущей преступностью предприятий»[1].

[1] **Ibid. – P.2.**